

УДК 398.224(=512.157)

DOI 10.25587/SVFU.2022.84.55.004

А. С. Ларионова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

СЮЖЕТ ВИЛЮЙСКОГО ОЛОНХО «МОГУЧИЙ ЭР СОГОТОХ» В КОНТЕКСТЕ СВЯЗИ СЛОВА И МУЗЫКИ

Аннотация. Актуальность исследования связана с тем, что интерес к связи слова и музыки в якутской народной песне возник со времен формирования якутской этномузыковедческой науки. При этом специальные научные работы, посвященные соотношению словесной части и напева песенных разделов олонхо, связанные с сюжетом сказаний, также отсутствуют. Интерес представляют и изыскания сопоставления сюжета словесной части песен в олонхо с квантитативной ритмикой напевов. Этим и обуславливается актуальность настоящей статьи.

В музыковедении связь слова и музыки изучается с точки зрения сравнения интонаций музыки и речи. Были проведены также изыскания в области связи слова и музыки на фонологическом уровне. Сравнение сюжета песен с музыкой проводилось с точки зрения фразеологии, но соотношения сюжета с квантитативной ритмикой отсутствуют в связи с тем, что квантитативная ритмика якутских традиционных напевов не исследована. Думается, что все же какие-то взаимоотношения сюжета с квантитативной ритмикой напева в песенных разделах олонхо присутствуют.

Цель статьи – исследовать соотношение сюжета олонхо В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» в контексте связи слова и музыки в якутской традиции Виллюйского региона. На основе цели формируются следующие задачи: изучить предваряющую песню словесный текст и его сюжет по отношению к напеву; выявить связь музыки песенных разделов со словом в зачинах и во время перехода пения в речь; рассмотреть соотношение сюжета с квантитативной ритмикой напева в песнях зооморфных персонажей.

Новизна исследования связано с тем, что сюжет В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» в контексте связи слова и музыки в якутской традиции Виллюйского региона изучается впервые. Музыкальным материалом служат нотации Н. Н. Николаевой записей В. В. Илларионова 1982 и 1986 гг. олонхо В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох», изданные в ее монографии «Эпос олонхо и якутская опера» (1993) и в томе «Якутский героический эпос “Могучий Эр Соготох”» (1996) серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Методологической основой стали научные труды М. Г. Кондратьева, Е. Н. Кузьминой, Т. В. Поповой, А. П. Решетниковой. В работе использован сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования связаны с тем, что сюжет олонхо связан с напевом обязательной подготовкой появления и окончания песни, прямые взаимоотношения обнаруживаются в тонированной речи связок и окончаний, и в зачинах песенных разделов. Песни зооморфных персонажей, принадлежащих по сюжетным мотивам к эпическим персонажам, переданы, в основном, семисложниками и восьмисложниками, которые в пении реализуются квантитативным хореем, а в песне коня инициаль и каденция квантитативным

ЛАРИОНОВА Анна Семеновна – доктор искусствоведения, доцент по специальности «Музыкальное искусство», главный научный сотрудник отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, профессор кафедры Истории и теории музыки Высшей школы музыки Республики Саха (Якутия) (институт) им. В. А. Босикова, Якутск, Россия. ORCID: 0000-0001-8524-6162.

E-mail: degerenan@mail.ru

LARIONOVA Anna Semenovna – Doctor of Art Studies, Associate Professor in the specialty “Musical Art”, Principal Researcher of Folklore and Literature Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Music at the Higher School of Music of the Republic of Sakha (Yakutiya) (Institute) named after V. A. Bosikov, Yakutsk, Russia. ORCID: 0000-0001-8524-6162.

E-mail: degerenan@mail.ru

ямбом. Проведенная работа обнаружила то, что в вилуйской традиции доминируют более древние подвижные формы ритмической организации.

Ключевые слова: олонхо; олонхосут; локальная традиция; напев; песня; стиль; количественный ритм; стих; зачин; тойук.

А. S. Larionova

Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North RAS SB

Plot of Vilyui olonkho *Mighty Er Sogotokh* in the context of communication between words and music

Abstract. The relevance of the study is due to the fact that interest in the connection between words and music in the Yakut folk song has arisen since the formation of Yakut ethnomusicological science. At the same time, special scholarly works devoted to the ratio of the verbal part and the tune of the song sections of the olonkho, related to the plot of the epic, are also absent. Of interest are the research of comparing the plot of the verbal part of songs in olonkho with the quantitative rhythm of tunes. This determines the relevance of this article.

Discussion. In musicology, the connection of word and music is studied in terms of comparing the intonations of music and speech. Research was also carried out in the field of communication between words and music at the phonological level. Comparison of the plot of songs with music was carried out from the point of view of phraseology, but the relationship of the plot with quantitative rhythm is absent due to the fact that the quantitative rhythm of Yakut traditional tunes has not been investigated. It seems that nevertheless, some kind of relationship between the plot and the quantitative rhythm of the chant is present in the song sections of the olonkho.

The purpose of the article is to investigate the relationship of the plot of the Vasily Karataev's olonkho *Mighty Er Sogotokh* in the context of the connection between word and music in the Yakut tradition of the Vilyui region. Based on the goal, the following tasks are formed: study the word text preceding the song and its plot in relation to the tune; identify the connection of the music of the song sections with the word in the beginnings and during the transition of singing into speech; consider the relationship of the plot with the quantitative rhythm of the tune the songs of zoomorphic characters.

The novelty of the study is due to the fact that the plot of the Karataev's *Mighty Er Sogotokh* in the context of the connection between word and music in the Yakut tradition of the Vilyui region is being studied for the first time. Musical material is the notations by N. N. Nikolaeva of the recordings by Vasily Illarionov 1982 and 1986 years of the Karataev's olonkho *Mighty Er Sogotokh*, published in her monograph "Epic olonkho and Yakut opera" (1993) and in the volume "Yakut Heroic Epic *Mighty Er Sogotokh*" (1996) series "Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East". The methodological basis was the research works of M. G. Kondratyev, E. N. Kuzmina, T. V. Popova, A. P. Reshetnikova. The work uses the comparative method.

The results of the study are related to the fact that the plot of olonkho is associated with the singing of the obligatory preparation of the appearance and end of the song, direct relationships are found in the intoned speech of bundles and endings, and in the beginnings of song sections. The songs of zoomorphic characters belonging to epic characters based on plot motifs are transmitted mainly by seven-syllables and eight-syllables, which are realized in singing by a quantitative trochee, and in the song of the horse initial and cadence by a quantitative iamb. The work carried out found that the Vilyui tradition is dominated by more ancient mobile forms of rhythmic organization.

Keywords: olonkho; olonkhosut; local tradition; tune; song; style; quantitative rhythm; poem; exposition; toyuk.

Введение

В настоящее время в российском этномузыкознании достаточно полно разработаны вопросы связи слова и музыки со слогоритмическими позициями. Изучены слоговые музыкально-ритмические формы русской песенности, разработан метод анализа песенно-слоговой ритмики народных напевов. В то же время вне поля научных изысканий стала проблема соотношения

сюжетов песенных образцов в контексте связи слова и музыки, чем определяется актуальность настоящей работы.

Цель работы – изучить соотношение сюжета олонхо В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» в контексте связи слова и музыки в якутской традиции Вилюйского региона. Материалом исследования послужили нотные расшифровки Н. Н. Николаевой записей В. В. Илларионова 1982 и 1986 гг. олонхо В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох», опубликованные в ее монографии «Эпос олонхо и якутская опера» (Якутск, 1993) [1] и в томе «Якутский героический эпос “Могучий Эр Соготох”» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [2].

Методология исследования опирается на труды М. Г. Кондратьева [3; 4], Е. Н. Кузьминой [5], Т. В. Поповой [6], А. П. Решетниковой [7]. Значимыми для изучаемой проблематики стали статьи А. С. Ларионовой «Мобильные параметры структуры текста в песнях стиля джиэрэтии ырыа олонхо В. О. Каратаева “Могучий Эр Соготох”» [8] и «Структура стиха и напева в якутском олонхо “Могучий Эр Соготох” В. О. Каратаева (по аудиозаписям полевых экспедиций в Нюрбинский улус 1968, 1975, 1982 и 1986 гг.)» [9]. Методы исследования связаны с сопоставительно-сравнительным анализом.

Изучение связи слова и музыки в российском этномузыкознании начались в начале XX в. Данной проблематике обращались такие известные исследователи, как Е. В. Гиппиус [10; 11], К. В. Квитка [12], А. В. Руднева [13]. Они предложили исследовать связь слова и музыки на основе слогоритмических структур напевов. Несколько позже в плане разработки темы с позиции ритмических основ музыки в своих трудах обращались А. А. Банин [14], Б. Б. Ефименкова [15; 16], Г. Б. Сыченко [17]. Квантитативную ритмику на примере чувашской народной песни разработал М. Г. Кондратьев [3; 4]. В якутском этномузыкознании о связи слова и музыки впервые отдельные наблюдения были высказаны Э. Е. Алексеевым [18], ритмике напевов якутских народных песен олекминской стилистики пения впервые уделил внимание В. М. Беляев в своей статье «Якутские народные песни» [19], а в Вилюйской традиции изучила Н. Н. Николаева [1]. Близкими к проблематике данной явились статьи А. С. Ларионовой «Мобильные параметры структуры текста в песнях стиля джиэрэтии ырыа олонхо В. О. Каратаева “Могучий Эр Соготох”» [8] и «Структура стиха и напева в якутском олонхо “Могучий Эр Соготох” В. О. Каратаева (по аудиозаписям полевых экспедиций в Нюрбинский улус 1968, 1975, 1982 и 1986 гг.)» [9].

Сюжетная основа олонхо В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» и ее соотношение с квантитативной ритмикой напевов сказания

Высокопоэтичным созданием народа саха является масштабное героическое сказание – олонхо, которое включает в себя все богатство традиционной песенной культуры саха. Каждая локальная традиция исполнения олонхо имеют свою специфику. Среди локальных исполнительских традиций выделяется вилюйская реализация олонхо, как наиболее явно отражающая типично национальное в сказывании якутского эпоса. Олонхо «Могучий Эр Соготох» представляет собой классическое исполнение сказания вилюйской традиции и в наиболее совершенной форме передано в творчестве олонхосута В. О. Каратаева (годы жизни 1926–1990) из Борогонского наслега Вилюйского улуса Якутии. Он учился у олонхосутов Трофима Петровича Гоголева, Семёна Ивановича Сангыяха. В. О. Каратаев принимал активное участие в художественной самодеятельности, выступал на различных конкурсах, фестивалях и вечерах олонхо. Его сняли в фильме «Гомеры XX века» [20, с. 126–127]. В его репертуаре имеются олонхо «Ого Тулайях», «Эрбэхтэй Бэргэн бухатыыр», «Уолуйа Боотур», «Джирибинэ Боотур». Показательным является в его исполнении олонхо «Могучий Эр Соготох», версии которых были зафиксированы на магнитофон в разное время. «Учитель В. О. Каратаева Т. П. Гоголев (1897–1984) воспринял это олонхо от сказителей XIX в. А те сказители, видимо, продолжали традицию своих предшественников» [2, с. 33].

В современный период наиболее показательным стилем якутского пения стала вилюйская исполнительская традиция. Данную локальную исполнительскую традицию Э. Е. Алексеев

обозначил как *этэн ыллыыр* ‘поет, выговаривая’, в отличие от центральной (приленской) традиции, названной им как *тардан ыллыыр* ‘поет, украшая каждый слог’. Песенные разделы в якутском сказании занимают довольно значительный объем в общем повествовании. Они выполняют большую выразительную и драматургическую роль, неизменно чередуясь со словесной линией.

Олонхо В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» имеет масштабные объемы. Так, версия 1986 г. имеет 6377 стихотворных строк. «Олонхо “Могучий Эр Соготох” В. О. Каратаева по названию, тематике и развитию сюжета относится к группе олонхо о богатырях-родоначальниках племени ураангхай саха. Отмечают, что олонхо с главным героем Эр Соготох является одним из самых распространенных эпосов олонхо повсюду, где живут якуты. Главная сюжетная тема этих олонхо отвечает на вопросы: откуда произошел человек Среднего мира, кто такие предки племени ураангхай саха и как они жили. Схема сюжетного развития олонхо, по мнению исследователей, строится в основном последовательными эпическими мотивами, которые и составляют стройную структуру эпического повествования» [21, с. 58]. Олонхо В. О. Каратаева по содержанию и развитию сюжета представляет собой вилуюскую исполнительскую традицию.

Все типы или стили пения находят отражение в олонхо В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох». Всего в данном олонхо 67 напевов и ключевыми типами пения являются *джизэрэтии ырыа* и *дэгэрэнг ырыа*. В якутском эпосе все типы пения жестко зафиксированы за определенным персонажем сказания. Многие исследователи считают, что в олонхо противопоставлены три главных интонационных мира. Стиль пения или тип и манера пения *джизэрэтии ырыа* используется в пении положительных персонажей олонхо. Данное пение представляет собой, в отличие от стиля, который характеризует территориальную исполнительскую традицию, национальный стиль (тип или манера) якутского пения с его необычными темброво-артикуляционными свойствами, свободой импровизационного развития метроритмики, мелизматическими певческими каденциями, оригинальной мелодикой, характерными гортанными призвуками-кылысахами.

Другим типом якутского пения, применяемым в олонхо, является *дэгэрэнг ырыа*. Он употребляется олонхосутами в песнях девы-абаасы, удаганок, а также зооморфных персонажей, таких как конь и стерх. *Дэгэрэнг ырыа* тоже связан с понятием национального стиля, являясь одним из древнейших стилей якутского пения. *Дэгэрэнг ырыа* представляет собой мелодически развитое пение обычным голосом, подразумевающее широкий диапазон мелодий. Он является ритмически и метрически определенным. Структура мелодии жестко связана с выработанной звукорядной системой.

Все песни олонхо В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» открываются словами, которые подготавливают слушателей к появлению после повествования поющего фрагмента, как это можно наблюдать в «Песне Кёмюс Кырыктая»:

Бу курдук диэн сангалаах,

Сити курдук диэн кэпсэллээх

Буола турбута эбитэ үһү [2, с. 184].

такими словами,

такими речами

заговорил, оказывается [2, с. 185].

Иногда в этих текстах подчеркивается жанровая принадлежность образца. Так, в «Песне Кёмюс Кырыктая» при первой встрече с богатырем Нижнего мира предваряющие песню слова показывают, что поется жанр *тойук*, подготавливая этим появлению после повествования песни с определенными музыкальными характеристиками:

¹ Вариант А. С. Ларионовой.

Субу курдук диэн тойуктаах,
Сити курдук диэн кэпсэллээх
Буола турбута эбитэ үһү [2, с. 171].

вот с такими словами (тойуком¹),
вот с такими речами
стоял, говорят [2, с. 172].

Таким образом, предваряющие слова являются подготовкой пения и иногда указывают на жанровую принадлежность песни.

Завершается песенный раздел словами *дии* или *диэн*, что означает «говоря, сказал». Они представлены тонированной речью, что дало возможность представить их в нотной записи знаком ноты с головкой крестиком, выражающим, по словам самого нотографа Н. Н. Николаевой, «невокальный звук определенной высоты» [1, с. 122]. Подобная тонированная речь показывает, насколько слово и музыка напрямую связаны и вплотную взаимодействуют друг с другом. Здесь речь имеет определенную звуковысотность и музыкальный ритм, как это можно наблюдать в «Окончании песни Юрюнг Айыы Тойона» [1, с. 61], в которой мелодия речи развивается в амбигусе ум.9 с постепенным и неуклонным нисходящим движением мелодии от *as* до *Gis*. Длительности представлены шестнадцатыми и одной восьмой. В качестве своеобразного подчеркивания нисходящего движения в речи, появляются глиссандо на словах *кынгыр хангыр туойан* ‘кряхтя, пыхтя пропел’. Э. Е. Алексеев также считает, что сказовая речь имеет определенную звуковысотность. Он пишет: «Звуковысотно речитативы строятся на двух ступенях-опорах. В сказывании В. О. Каратаева большая определенность отличает верхнюю ступень, нижняя же опора более подвижна. Расстояние между ступенями трудно уловимо на слух, но чаще всего колеблется в промежутке от полутора до двух тонов. Особенность нижней ступени такова, что она как бы постоянно подтягивается к верхней, глиссандоподобно “въезжает” в нее (в этих случаях обычно становятся возможными изредка встречающиеся внутрислоговые распевы)» [1, с. 46]. Подобная тонированная речь обнаруживается во Вступительном речитативе. Особенно такое прямое взаимодействие речи и пения подчеркивает связка между песнями Буора Кудустая и Кёмюса Кырыктаая [1, с. 60]. В нем мелодика тонированной речи развивается в объеме б.9 и длительности выражены восьмыми и четвертными. Ближе к каденционной части появляется подобие формирования формульной попевки. Сами песенные фрагменты олонхо уже поются и имеют обычное для вокальной музыки нотографическое отображение.

Песни в якутских сказаниях открываются обязательным зачином. Для антропоморфных персонажей Верхнего и Срединного миров характерен зачин *джэ буо* ‘ну вот’. Мелодия данного зачина идентична интонации побудительного предложения якутского языка, в которой начальный сегмент представлен восходящей интонацией. Аналогичная интонация присуща начальному сегменту в зачине песен стиля *джиэрэтии ырыа*. Финальный сегмент побудительного предложения имеет нисходящую интонацию, что «можно наблюдать в мелодии финального сегмента первого распева слова, характеризующего нисходящим ходом к нижнему опорному тону *h-a* малой октавы. Мелодии зачина «*Кёр субу!*» («Посмотри, вот это!») и его варианта «*Джэ буо!*» идентичны. Можно предположить, что и вербальный ряд варианта «*Джэ буо!*» несет в себе функции побудительного предложения» [22], что подтверждает прямые связи слова и музыки в песнях олонхо.

Соотношение сюжетной основы песенных разделов олонхо с квантитативной ритмической напева

В олонхо, помимо главных героев, важную роль выполняют зооморфные персонажи. Особенно значимым является образ коня, который является помощником и советчиком главного героя. Каждый зооморфный персонаж имеет свою песню, в которой передается прямая речь. Песни зооморфных персонажей также имеют зачины, в которых передаются их звукоподражания. По мнению А. П. Решетниковой: «В сохраненных якутским эпосом песнях животных и птиц особо эвфонически выделены их зачины, определенные мелодические клише которых содержали лексические транскрипции звукоподражаний, которые сами по себе только марки-

ровали зооморфность поющих персонажей. Вокально интонируемые тексты этих эпических песен раскрывали смысл сообщений уже на “человеческом языке”, столь же сакральном-песенном. Звукоподражания в эпосе изменяют свой содержательный статус, но, надо думать, сохраняют следы былого мифологического значения, являясь способом трансляции “речи” существ природного мира. Звукоподражательные зачины в вокально-интонируемых песнях животных персонажей и птиц в эпосе – объединение природного и человеческого начал – несут функцию маркера животного-помощника, служа указанием магического характера их песенных высказываний в обрядовой ситуации. Вокальный же тип интонирования различных сообщений животных и птиц в олонхо является художественно-эпическим способом расшифровывания смысла предупреждающих звуковых сигналов» [7, с. 144].

Песни животных и птиц в олонхо В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» с позиции связи слова и музыки наиболее явно проявляются в том, что каждый слог слова либо распевается двух-трехзвучными музыкальными звуками, либо на один слог приходится один музыкальный звук. Зачины выполняют в музыкальной композиции роль вступления в песне стерха, вступления и заключения в песне коня. В данных напевах вступление и каденция отличаются ритмически от других появлением сверхдолгих слогов. Кроме того, зачины обогащают как в вербальной части, так и в связи слова с музыкальной ритмикой образную характеристику персонажа.

Для определения соотношения сюжетных мотивов с квантитативной ритмикой напева, нами выявлено, что в якутских традиционных напевах любого стиля пения отсутствуют ударные и безударные звуки, в них чередуются долгие и краткие музыкальные звуки. Чередование долгих и кратких длительностей, то есть квантитативная ритмика напевов олонхо В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» выражена разнообразными длительностями, которым в напеве представлен каждый слог вербального текста. В данном случае мы краткую длительность соотносим с безударным слогом, а долгую – с ударной, так как в якутском стихосложении так же, как в чувашской и алтайской песенности, отсутствует акцентность. Таким образом, якутским традиционным напевам, по нашему мнению, как чувашским и алтайским народным песням, свойственна квантитативная ритмика, которая в якутской традиционной мелодии связана с чередованием долгих и кратких слогов. Подобное чередование было характерно для греческого метрического стихосложения, вместо ударных и безударных слогов, свойственных европейскому и русскому стихосложению. В связи с этим мы, как и античное стихосложение, можем определить краткие в качестве безударного слога, а долгие – в качестве ударного слога.

Из зооморфных персонажей в олонхо В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» важную функцию выполняет богатырский конь, который имеет свою песню, появляющуюся перед походом в Нижний мир. В якутских сказаниях «мифологический конь, обладая необычными чертами, является помощником богатыря *айыы*, доставляя его в любое место для борьбы с богатырем *абаасы*. Обладая даром речи, он выступает в качестве мудрого советчика. В правом ухе коня хранится живая вода, от которой мертвый оживает, слабый становится сильным. Нередко выходит победителем в борьбе с железным конем *абаасы*» [23, с. 28]. В песне версии 1982 г. конь предостерегает хозяина и просит провести обряд прощения и благословения у духов-иччи «изначальной земли-матери», «духов безбрежных долин». По указателю типических мест Е. Н. Кузьминой данный напев относится к индексу П.Б.5.1 «Упреки коня, его советы» [5, с. 1354], который входит в П.Б.5 «Богатырский конь», а индекс П обозначает «Эпические персонажи».

Две версии песни коня 1982 и 1986 гг. Э. Е. Алексеев относит к *дэҕэрэҥ ырыа* и анализирует следующим образом: «Это единственная в каратаевских олонхо мелодия, рельефно краткая основная формула которой успевает дважды повториться на протяжении одной восьмислоговой стиховой строки. Слегка затягиваемый вступительный возглас трехслогового звукоизобразительного запева, имитирующего лошадиное ржание, при повторении тут же приводится к четырехслоговой норме. Трехударные распевы четных долей выразительно подчеркивают ритмиче-

скую синкопу» [2, с. 54]. Э. Е. Алексеев в музыковедческой статье проводит анализ связи слова и музыки с точки зрения распевов гласных звуков и соотношения количества слогов в строке с музыкальным ритмом напева практически всех песен [2, с. 54].

В «Песне богатырского коня» 1986 г. восьмисложники имеют разнообразные длительности. В версии 1982 г. на 1 слог словесного текста приходится 1 или 2 звука и словесные группы представлены в основном восьмисложниками с квантитативной ритмикой напева, представленного преимущественной долгими длительностями и ямбическим началом и окончанием. В «Песне стерха» в записи 1986 г. семисложники во 2, 5 и 7 строках представлены ритмоформулой кругового песни-танца осуохай:

К К К К К К Д

Остальные строки имеют разнообразное музыкальное время. В версии 1982 г. в строках с различными слогоритмическими структурами преобладают краткие длительности, а в семисложниках также обнаруживается ритмика осуохая. Появление в песнях зооморфных персонажей такой ритмики подчеркивает принадлежность образца к *дэгэрэнг ырыа*.

Заключение

Проведенное исследование позволило нам сделать определенные выводы.

Непосредственная связь слова и музыки в олонхо В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» обнаруживается непосредственно после окончания песни в момент перехода пения в речь, когда вместо пения появляется тонированная речь с определенной звуковысотностью. Мелодика такой тонированной речи представлена нисходящим движением. Тонированная речь Вступительного речитатива и связки между песнями имеет схожие с песенной мелодией структуры. Прямые связи слова и музыки обнаруживаются в зачине *джэ буо*, который непосредственно повторяет интонацию побудительного предложения якутского языка.

Выявлено, что слова, предвещающие песню, подготавливают слушателя к ее появлению, но иногда уточняют жанровую принадлежность образца.

Важную роль в сюжете олонхо выполняют зооморфные персонажи, выполняющие функцию помощника и советчика в образе богатырского коня, либо вестника в образе птицы стерха, в которую оборачивается шаманка. Квантитативная ритмика песен зооморфных персонажей созвучных с ритмоформулой кругового песни-танца осуохай подтверждают факт того, что их напевы обязательно поются стилем *дэгэрэнг ырыа*, на что указывают, встречающиеся в отдельных строках стабильные формы ритмики. Развитие сюжета указывает на обязательную подготовку появления и окончания песни, прямые связи обнаруживаются в тонированной речи связок и окончаний и зачинах песенных разделов. В напевах вступление и каденция, выраженные сверхдолгими слогонотами, выполняют композиционную функцию и одновременно обогащают образную характеристику персонажа. В песнях зооморфных персонажей, относящихся по сюжетным мотивам к эпическим персонажам, представлены преимущественно восьмисложниками и семисложниками, которые в пении реализуются квантитативным хореем, а в песне коня начало и конец строки квантитативным ямбом. Кроме того, непостоянство появления в песне этих стабильных форм указывают на древность напевов *дэгэрэнг ырыа* в олонхо, так как стабильность форм становятся преобладающими в исторически более поздних песенных образцах фольклора якутов.

Литература

1. Николаева Н. Н. Эпос олонхо и якутская опера. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1993. – 187 с.
2. Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». – Новосибирск : Наука, 1996. – 440 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; Т. 10). (На якутском и рус. яз.)
3. Кондратьев М. Г. О ритме чувашской народной песни. К проблеме квантитативности в народной музыке. – Москва : Советский композитор, 1990. – 144 с.

4. Кондратьев М. Г. Традиционная музыка чувашей как язык культуры // Чувашский гуманитарный вестник. – 2020. – № 15. – С. 144–167.
5. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, Якутов) : эксп. изд. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. – 1383 с.
6. Попова Т. В. Основы русской народной музыки. – Москва : Музыка, 1977. – 224 с.
7. Решетникова А. П. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. – Якутск : Бичик, 2005. – 408 с.
8. Ларионова А. С. Мобильные параметры структуры текста в песнях стиля джиэрэтии ырыа олонхо В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» // Вестник Северо-Восточного федерального университета. Серия Эпосоведение. – 2022. – № 5. – С. 34–42. – DOI : 10.25587/q2298-4531-1771-p.
9. Ларионова А. С. Структура стиха и напева в якутском олонхо «Могучий Эр Соготох» В. О. Каратаева (по аудиозаписям полевых экспедиций в Нюрбинский улус 1968, 1975, 1982 и 1986 гг.) // Актуальные проблемы изучения дописменной истории Северной Евразии : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию А. Н. Алексеева (г. Якутск, 28–29 октября 2021 г.). – Якутск : ИГИИПМНС СО РАН, 2022. – С. 162–167.
10. Гиппиус Е. В. Замечания о белорусской народной песне (совместно с З. В. Эвальд) // Гиппиус. Е. В. Избранные труды в контексте белорусской этномузыкологии. – Минск : Удмуртгосиздат, 2004. – С. 185–207.
11. Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Труды Удмуртского научно-исследовательского ин-та языка и литературы. Вып. 10. – Ижевск : Удмуртгосиздат, 1941. – С. 61–88.
12. Квитка К. В. Избранные труды в 2 томах. Т. 1. – Москва : Советский композитор, 1971. – 384 с.
13. Руднева А. В. Русское народное музыкальное творчество: Очерки по теории фольклора. – Москва : Советский композитор, 1990. – 224 с.
14. Банин А. А. Об одном аналитическом методе музыкальной фольклористики // Музыкальная фольклористика. Вып. 2. – Москва : Советский композитор, 1978. – С. 117–157.
15. Ефименкова Б. Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора. – Москва : Композитор, 2001. – 256 с.
16. Ефименкова Б. Б. Ритмика русских традиционных песен : Учебное пособие по курсу «Народное музыкальное творчество». – Москва : Изд-во МГИК, 1993. – 154 с.
17. Сыченко Г. Б. Традиционная песенная культура алтайцев : автореферат диссертации кандидата искусствоведения. – Новосибирск, 1998. – 23 с.
18. Алексеев Э. Е. Проблемы формирования лада. На материале якутской народной песни. – Москва : Музыка, 1976. – 189 с.
19. Беляев В. М. Якутские народные песни // Советская музыка. – 1937. – № 9. – С. 11–26.
20. Кузьмина А. А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. – Новосибирск : Наука, 2014. – 160 с.
21. Борисов Ю. П. Формы параллелизма в якутском олонхо «Могучий Эр Соготох» В. О. Каратаева и хакасском эпосе «Ай-Хуучин» П. В. Курбижекова // Вестник Северо-Восточного федерального университета. Серия Эпосоведение. – 2017. – № 4. – С. 56–68. – DOI : 10.25587/SVFU.2017.4.8695.
22. Ларионова А. С. Вербальное и музыкальное в якутском джиэрэтии ырыа. – Новосибирск : Наука, 2004. – 324 с.
23. Петров В. Т. Эпическое в эпическом контексте // Поэтика эпического повествования : сб. науч. тр. / [ответственный редактор В. М. Никифоров]. – Якутск : ЯНИЦ СО РАН, 1993. – С. 19–35.

References

1. Nikolaeva N. N. The olonkho epic and Yakut opera. Yakutsk, Yakut National Center SB RAS Publ., 1993, 187 p. (In Rus.)
2. Yakut heroic epic “Mighty Er Sogotokh”. Novosibirsk, Nauka Publ., 1996, 440 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 10). (In Yakut and Rus.)
3. Kondratiev M. G. On the rhythm of the Chuvash folk song. To the problem of quantitism in folk music. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1990, 144 p. (In Rus.)

4. Kondratiev M. G. Traditional Chuvash music as a language of culture. *Chuvash humanitarian bulletin*. 2020, no. 15, pp. 144–167. (In Rus.)
5. Kuzmina E. N. Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altai, Buryat, Tuvan, Khakas, Shorets, Yakuts). Novosibirsk, Publ. House of the SB RAS, 1383 p. (In Rus.)
6. Popova T. V. Fundamentals of Russian folk music. Moscow, Music Publ., 1977, 224 p. (In Rus.)
7. Reshetnikova A. P. Plot motifs foundation and Olonkho music in ethnographic context. Yakutsk, Bichik Publ., 2005, 408 p. (In Rus.)
8. Larionova A. S. Mobile text structure parameters in the *dieretii* style songs of the Karataev's "Mighty Er Sogotokh" olonkho. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2022, no. 5, pp. 34–42. DOI: 10.25587/q2298-4531-1771-p. (In Rus.)
9. Larionova A. S. The structure of poem in Yakut olonkho "Mighty Er Sogotokh" of V. O. Karataev (according to audio recordings of field expeditions to the Nyurba districts in 1968, 1975, 1982 and 1986). In: Actual problems of studying the pre-literate history of Northern Eurasia: collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 75th anniversary of A. N. Alekseev. Yakutsk, IHRISN SB RAS Publ., 2021, pp. 162–167. (In Rus.)
10. Gippius E. V. Comments on the Belarusian folk song (together with Z. V. Ewald). In: E. V. Gippius. Selected works in the context of Belarusian ethnomusicology. Minsk, Udmurt State Publ. House, 2004, pp. 185–207. (In Rus.)
11. Gippius E. V., Eval'd Z. V. To the study of the poetic and musical style of the Udmurt folk song. In: Proceedings of the Udmurt research institute of language and literature. Iss. 10. Izhevsk, Udmurt State Publ. House, 1941, pp. 61–88. (In Rus.)
12. Kvitka K. V. Selected works in 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1971, 384 p. (In Rus.)
13. Rudneva A. V. Russian folk music: Essays on the theory of folklore. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1990, 224 p. (In Rus.)
14. Banin A. A. About one analytical method of musical folkloristics. In: Musical folkloristics. Iss. 2. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1978, pp. 117–157. (In Rus.)
15. Efimenkova B. B. Rhythm in the works of Russian vocal folklore. Moscow, Kompozitor Publ., 2001, 256 p. (In Rus.)
16. Efimenkova B. B. Rhythm of Russian traditional songs. Educational on the course "Folk musical creativity" RAM named after Gnesins. Moscow, Moscow State Institute of Culture Publ., 1993, 154 p. (In Rus.)
17. Sychenko G. B. Traditional song culture of Altai residents. Abstract of the dissertation of Candidate of Art. Novosibirsk, 1998, 23 p. (In Rus.)
18. Alekseev E. E. Problems of melodic modus formation. Based on the material of the Yakut folk song. Moscow, Muzyka Publ., 1976, 189 p. (In Rus.)
19. Belyaev V. M. Yakut folk songs. *Soviet music*. 1937, no. 9, pp. 11–26. (In Rus.)
20. Kuzmina A. A. Olonkho of the Vilyui region: existence, plot and compositional structure, images. Novosibirsk, Nauka Publ., 2014, 160 p. (In Rus.)
21. Borisov Yu. P. Forms of parallelism in the Yakut olonkho "Mighty Er Sogotokh" by V. O. Karataev and the Khakas epic "Ai-Khuuchin" by P. V. Khurbizhekov. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2017, no. 4, pp. 56–68. DOI: 10.25587/SVFU.2017.4.8695. (In Rus.)
22. Larionova A. S. Verbal and musical in the Yakut *dieretii yrya*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004, 324 p. (In Rus.)
23. Petrov V. T. Epic in an epic context. In: The poetics of epic storytelling: a collection of scientific papers. Executive editor V. M. Nikiforov. Yakutsk, Yakut National Center SB RAS Publ., 1993, pp. 19–35. (In Rus.)